

Андрей Геращенко

ТРИ ИСТОРИИ О ВОЙНЕ

Посвящается всем детям мира,
погибшим во время Второй мировой войны

Минск
«Альтиора Форте»
2025

УДК 94(47+57)"1941/1945"
ББК 63.3(2)622
Г 37

Книга издана на средства Фонда поддержки и защиты прав
соотечественников, проживающих за рубежом.

Автор выражает искреннюю благодарность и признательность
В. В. Андрееву, А. И. Удальцову и А. Н. Лукашку
за помощь в издании книги.

ISBN 978-985-7346-19-6

© Геращенко А. Е., 2025
© Лукашок А. Ю., Шавина О. В., иллюстрации, 2025
© Оформление. ООО «Альтиора Форте», 2025

О КНИГЕ

Автор Андрей Геращенко

«Три истории о войне» – не случайная, а закономерная книга белорусского писателя Андрея Евгеньевича Геращенко.

Война больше всего бьёт по детям. Трилогия о военном лихолетье погружает читателя в то страшное время и даёт возможность ощутить трагедии поломанных детских судеб и человеконенавистническую сущность немецкого фашизма.

Автор часто обращается к теме войны. Член Союзов писателей

Беларуси, Союзного государства и Санкт-Петербурга, член Белорусского союза кинематографистов, издавший около 40 книг, также известен своей прозой, научно-популярными книгами о войне, истории, астрономии и космонавтике, драматургией, научно-популярными работами, аналитическими и публицистическими материалами. В 2016 году Указом Президента России Владимира Путина награждён медалью Пушкина.

Рассказ «Мамка, я – живой!» написан в 2011 году по мотивам реальных событий, произошедших в Витебске во время оккупации. Сюжет подсказал витебскому писателю его друг Павел Леонидович Головач, к сожалению, рано ушедший из жизни. Пройдя через жуткое испытание (необходимость переплыть через простреливаемую фашистами реку), подросток Антон сохраняет жизнь и возвращается домой. Впервые рассказ напечатали в журнале «Московский вестник» под названием «Река смерти».

«Блокадные дни девочки Маши» – новый рассказ. Написан в конце 2024 года под впечатлением воспоминаний известной блокадницы Марии Давыдовны Ягодницыной о своём нелёгком военном детстве. Она вместе с другими ленинградцами прошла через страшные испытания в окружённом врагом городе.

Уже получивший широкую международную известность рассказ «Бельчонок» написан в далёком 1992 году и был в разные годы опубликован в различных журналах, в том числе в журнале «Наш современник». Переведён на 12 языков мира и издан в разных странах общим тиражом более 35 000 экземпляров. Бельчонок – это символическая игрушка в руках белорусского мальчика, которая позволяет спасти его от смерти. Но обстоятельства складываются иначе. Комок в горле после прочтения рассказа и плюшевый бельчонок на окровавленном снегу ещё долго останутся у читателя в памяти...

В ноябре 2025 года воспитанники Нахимовского военноморского училища из Санкт-Петербурга стали победителями конкурса Всероссийского патриотического проекта «Сыны и дочери Отечества», показав в Москве спектакль по рассказу «Бельчонок».

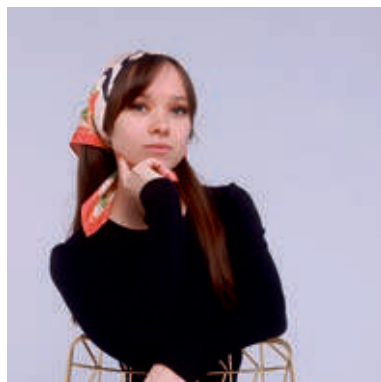
Рассказы «Мамка, я – живой!» и «Бельчонок» проиллюстрировала художница из белорусского города Полоцка Анна Юрьевна Лукашок. Автор иллюстраций к рассказу «Блокадные дни девочки Маши» – нижегородская художница Ольга Владимировна Шавина.

Яркие образы этих иллюстраторов очень точно передают атмосферу рассказов, самой военной эпохи, отнятых и искалеченных войной детских жизней.

Книга посвящена детям, погибшим во время Второй мировой войны в самых разных странах нашей планеты...

Художник Анна Лукашок

Художник Ольга Шавина

*Посвящается Марии Давыдовне Ягодницыной,
пережившей блокаду Ленинграда.
Её воспоминания были использованы
при написании данного рассказа*

БЛОКАДНЫЕ ДНИ ДЕВОЧКИ МАШИ

Маша осторожно подошла к койке и тихо позвала:

– Мама!

Мама не отозвалась. В последние дни она почти не шевелилась, лишь изредка открывала глаза, которые смотрели куда-то в потолок. Иногда мама смотрела на Машу, могла прошептать еле слышные пару слов.

Маша подошла поближе и взяла своей рукой мамину руку, которая безвольно свесилась с кровати, за запястье. Рука была холодной.

– Мама! – чуть громче позвала Маша и потрясла маму за руку.

Мама не отвечала. Её глаза были открыты и смотрели, как обычно, в потолок.

– Мама умерла, – тихо сама себе сказала девочка и устало опустилась на стул у изголовья койки, поставив на пол мешочек с принесёнными с собой с рынка кусочками столярного клея и дурынды...

Немцы-фашисты рвались в Ленинград, а наши солдаты стояли насмерть и не пускали их в город. Из-за этого немцы-фашисты обстреливали Ленинград из пушек и сбрасывали бомбы с самолётов. Это Маша хорошо знала. А ещё нашим солдатам нужно было помогать.

Мама, пока были силы, всё время что-то шила – в основном солдатские рубашки и кальсоны из белой ткани, а ещё чаще – чинила и штопала их, пришивала завязки. Ворохи белого белья, завязанные в узлы, нужно было брать в починку в госпитале и туда же их потом относить. Это было для раненых. Порой эти узлы на квартиру носила сама мама, порой приносили и уносили санитарки и раненые солдаты. Маша пробовала помогать, но носить ей было трудно, да и много забрать сразу не могла.

Госпиталь был неподалёку, всего каких-то два квартала, но Маше порой казалось, что до него очень далеко, особенно если плечи туго сдавливал узел с бельём.

Швейную машинку мама называла своей помощницей. Маша любила смотреть, как работала мама, как стрекотала машинка. Казалось, что прямо перед глазами девочки работает целый завод, Маша даже порой представляла себе, что там, в недрах машинки, среди всех этих блестящих катушек, шестерёнок и прочих механизмов снуют самые настоящие рабочие, только очень малень-

кие – ещё меньше, чем лилипуты и гномики, такие, которых совсем не видать.

Мама очень любила эту машинку (её купил ещё до войны папа). Но папы уже нет: он ушёл на войну ещё летом, а через месяц его убили немцы-фашисты – почтальонша принесла похоронку – письмо, где было сказано, что папа погиб. Маша, как и мама, долго плакала. Папа погиб на войне, а в доме не было даже фотографии, где бы он был в форме. Со стены папа смотрел теперь со свадебного фото, где был в обычном костюме рядом с мамой в белом нарядном платье. Тогда Маша решила, что когда война закончится, она найдёт тех, кто

воевал вместе с её папой. Может, у них будет общее фото с ним, где папа в военной форме.

С едой было плохо – есть всё время хотелось, но есть было нечего. Мама делилась с Машей последним, сама слабела с каждым днём, увядала буквально на глазах.

Вначале она перестала ходить в госпиталь, но ещё шила. Затем не могла уже и этого. Маша попыталась делать всё вместо мамы, но у неё не получалось: швейные строчки путались, налезали одна на другую. Из госпиталя больше ничего не принесли. Мама слегла совсем.

Хлеб был в булочной. За ним надо идти на соседнюю улицу. Для получения нужно было отдать продавцу карточку. Ещё недавно давали в два раза больше, а теперь и вовсе всего по 125 граммов на человека – на маму и на Машу.

Но и получить даже это было непросто: очередь приходилось занимать с ночи. Людей было много, и Маше написали на ручке номер. Это был её номер очереди. Было холодно, очень холодно. Но Маша упрямо стояла, как и другие – взрослые и дети, старики и женщины. Хотелось спать. Маша упрямо отгоняла от себя сон: она боялась, что уснёт прямо на улице перед булочной и больше не проснётся. Тогда и мама не сможет поесть...

Время от времени делали переключку – нужно было отзывать. Номера переписывали, и к утру запястье Маши напоминало больше школьную

доску с рядами почёрканных цифр, словно на руке ребёнка кто-то решал математическую задачу.

Дождавшись своей очереди, Маша, наконец, попала в булочную. Тут было теплее, хоть и не намного, но главное – не было пронизывающего, холодного ветра и было светло.

Запах хлеба кружил голову. Булочная казалась какой-то сказочной страной, местом, где могут исполниться любые желания.

Хлеб блокадного Ленинграда в самую первую и тяжёлую блокадную зиму конца 1941 года был особенным. Его пекли из жмыха, отрубей, целлюлозы, сосновой коры и обойной пыли. Он был горьким и не мог дать ни нужной энергии, ни сил для

жизни. Но для ленинградцев он был единственной надеждой выжить. Девочка Маша не особенно вдавалась в подробности, она лишь жадно наблюдала, как в обмен на карточки выдают эти маленькие чёрные кусочки, и хотела лишь одного – получить этот хлебушек в свои ручки, отнести домой, там полюбоваться на него, понюхать, а затем, разделив с мамой, наконец, пожевать.

Дождавшись своей очереди, Маша подала карточку и протянула деньги. Продавщица взяла то и другое и положила перед ней хлеб – сразу один на неё и маму. Девочка дрожащими от нетерпения руками хотела взять драгоценный чёрный ломтик и завернуть его в тряпицу, но её неожиданно с силой оттолкнул неизвестно откуда появившийся сзади мужчина, который с безумным взглядом схватил хлеб и быстро затолкал его себе в рот.

Раздались возмущённые крики:

– Сволочь!

– Он пристроился – карточек у него нет!

– Гадина!

Очередь принялась бить мужчину, затолкав его в угол булочной. Маша растерянно стояла перед продавцом. Избитый в кровь неизвестный лежал на полу, люди быстро заняли своё место в очереди. Маша вопросительно посмотрела на продавщицу. Немолодая женщина отвела взгляд и тихо сказала:

– Следующий.

Машу отодвинули, и хлеб по своей карточке

получила женщина, стоявшая сразу за девочкой. Маша растерянно постояла ещё несколько минут, с обидой посмотрела вокруг и, не сдерживая скупые слёзы, взглянув на зашевелившегося в углу похитителя её хлебушка, растерянная и оглушённая вышла из булочной и побрела домой ни с чем.

На соседнем доме недавно повесили большой плакат «Смерть фашизму», на котором был нарисован Гитлер – самый главный немец-фашист. Правда, был он не страшным, как его представляла

себе Маша раньше, а мерзким, похожим на усатую крысу или собаку. Гитлера кололи штыками руки красноармейцев. На них читалась надпись «СССР».

Маша долго смотрела на плакат, а затем, достав из кармана пальто карандаш, написала на белой рамке под ним, докуда смогла дотянуться, четыре строчки крупными детскими буквами:

«Гитлер тянет свою лапу,
Лезет в наши он дела!
Как же мать такого гада
На свет только родила?»

– Что это ты плакат портишь?! – строго спросил прохожий. – Что это ты тут написала?

Маша пожала плечами и растерянно смотрела на незнакомца. Пожилой мужчина прочёл написанное, посмотрел на Машу и ласково погладил её по голове:

– Молодец, дочка! Правильно – всё так.

Воды тоже не было. За ней нужно было ходить на речку. Раньше это делала мама, пока могла, Маша лишь помогала ей время от времени. Теперь нужно было ходить за водой самой.

Спустившись с бидоном и санками по лестнице во двор, Маша, как могла, привязала ёмкость и отправилась за водой. С собой пришлось тащить и небольшое ведёрко. Это было неудобно, но деваться было некуда: Маша не могла бы по-другому наполнить бидон.

Набирать воду приходилось быстро, потому что сзади у полыньи уже собралась очередь, и люди, по большей части всё те же старики, женщины и дети, подгоняли её своими немymi взглядами. Маша очень устала. Аккуратно присев на краешек санок, чтобы не опрокинуть бидон, Маша немного отдохнула и медленно двинулась в обратный путь.

Вот уже и дом – совсем близко. Маша аккуратно потащила свой бесценный груз через подворотню, но перед самой парадной неожиданно поскользнулась и налетела на санки. Верёвка выдержала, но бидон вместе с санками опрокинулся набок. Крышка неожиданно распахнулась, и вода полилась на обледенелую землю. Маша как могла быстро подскочила и подхватила бидон, но воды там почти не осталось, только немного на дне.

Сильно болело ушибленное колено, но Маша не обращала на это внимания, она лишь растерянно смотрела на застывающую прямо на глазах на морозе водяную лужу и не знала, что предпринять.

Идти домой без воды не хотелось, возвращаться к проруби не было сил. Маша не плакала. Посидев немного на саночках, она проверила крепление бидона и... побрела к проруби на речку.

Мама была совсем слабой. Она любила швейную машинку, но всё чаще стала просить Машу, чтобы та отвезла её на саночках на толкучку и поменяла на какую-нибудь еду. И маме, и Маше было жалко машинку. Казалось, что машинку жалеет даже

папа, глядящий со свадебной фотографии на стене. Но мама больше жалела Машу, а Маша – маму.

Маша отправилась на толкучку. Торговать там было нельзя: гоняла милиция, но всё равно все туда шли, чтобы раздобыть хоть что-то съестное. Довоенные рынки были закрыты – торговали в разных местах из-под полы. Но места эти всем были известны.

Девочка не знала, что и почём менять. Впрочем, этого не знали и большинство взрослых – меняли на еду деньги, вещи и ценности так, как получалось.

Через час с небольшим Маша уже брела с саночками домой. За любимую швейную машинку удалось выручить плитку столярного клея и кусок дурынды.

Столярный клей в ту тяжёлую первую зиму блокады был популярным товаром в Ленинграде. Его варили из отходов скотобоен – костей, копыт и рогов. Но даже эти отходы уже заканчивались. Дурында (дуранда) – спрессованные остатки-отходы от производства муки.

Маша знала, что дурынду можно распарить, а добавив столярного клея, испечь из всего этого настоящие лепёшки. Мама поест и ей станет лучше. И сама Маша поест – от голода девочку уже просто мутило.

И вот теперь Маша растерянно смотрела на неподвижную маму, сидя на стуле. У ног лежал мешочек со столярным клеем и дурындой.

Мама умерла, вероятно, совсем недавно – тело было холодным, но ещё хранило остатки тепла, которое постепенно уходило. Так прошло около часа. Зашевелились огромные белые вши. Они постепенно покидали волосы мамы и медленно расползались по телу и кровати. Маша попыталась пару раз их стряхнуть, но затем оставила всё как есть. Мама стала совсем холодной.

Девочка не плакала. Она знала, что делать: спустя некоторое время принесла из прихожей коврик, с трудом стащила с кровати тело мамы, не слишком тяжёлое после долгого голода, но всё же едва посильное для её детских силёнок, и закутала его, обвязав верёвками. Отдышавшись, Маша вытащила тело на саночки и, делая перерывы для отдыха, поволокла его вниз по лестнице во двор.

Так совпало, что, едва Маша вытащила саночки с телом из парадной, во двор въехала машина, доверху заполненная телами умерших. Двое мужчин в телогрейках защитного цвета в задумчивости склонились над лежащими во дворе двумя трупами. Маша их даже не заметила, когда шла домой. Оглянувшись и заметив Машу, один из мужчин, кивнув на саночки, спросил:

– Кто это?

– Моя мама.

Записав что-то карандашом, мужчина взял саночки и подвёз их к машине. Два трупа во дворе и маму Маши класть в кузов не стали: там уже не было места. Все три тела привязали снаружи прямо к бортам.

Маша стояла молча и устало смотрела на происходящее. Мужчина отдал ей санки.

– Куда маму теперь? – спросила у него Маша.

– На Пискарёвку, – махнул рукой мужчина.

Машина развернулась и, побуксовав, выехала со двора. Маша, немного постояв, пошла по лестнице домой. Точнее, пошла туда, где был её дом, который вдруг опустел...

Прошёл месяц. Полупторка петляла по дороге. Сидящие в кузове под брезентом дети, тесно прижавшиеся друг к другу, все вместе подсакивали на ухабах и изредка тревожно посматривали в тёмный проём ночного неба – единственное, что им было видно из-под обтянутого брезентом кузова. Вдали слышался вой самолётов, глухие взрывы.

– Всё будет хорошо. Это далеко – мы успеем проехать! – успокаивала их воспитательница Ирина Тимофеевна.

Полупторка увозила Машу и других детей ленинградского детского дома на большую землю по Дороге жизни, проложенной по льду Ладожского озера.

Посвящается Павлу Леонидовичу Головачу,
подсказавшему сюжет для написания
данного рассказа

МАМКА, Я – ЖИВОЙ!

Солнце стояло в самом зените и нестерпимо пекло голову. Антон обронил кепку, когда его почти у самого моста ударили прикладом в спину. Под-росток провёл ладонью по коротко стриженной голове, чтобы хоть немного ослабить жар и посмотрел на мост: немцы устанавливали там пулемёт.

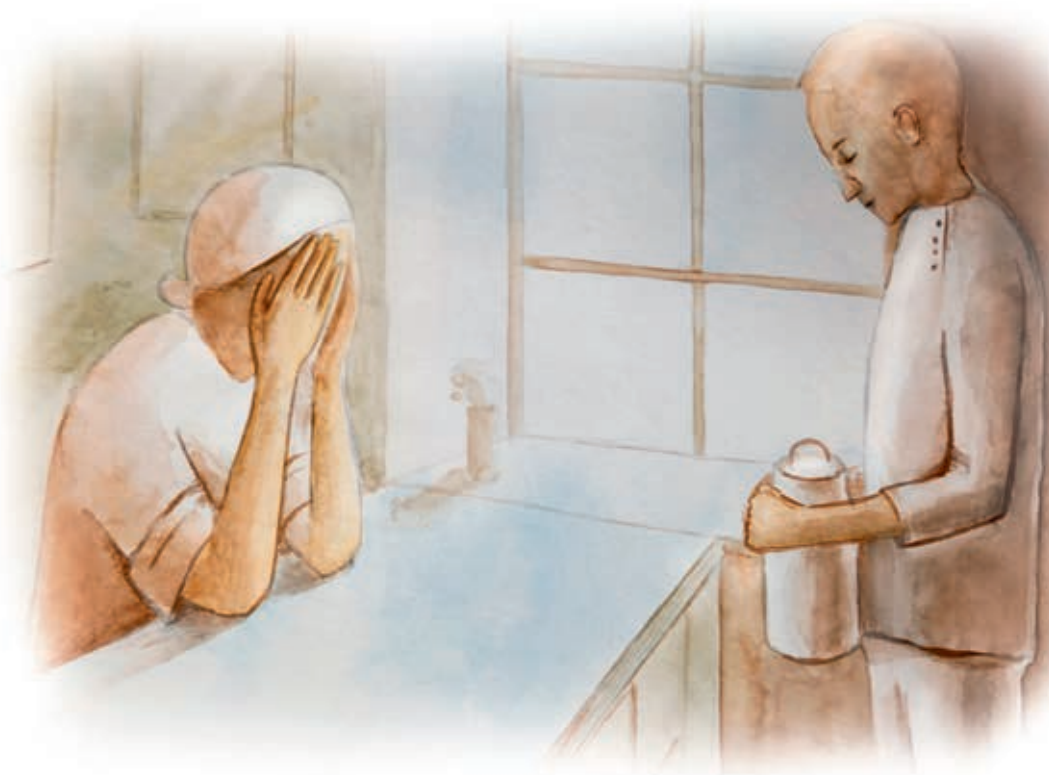
– Расстреливать будут. Ей-богу – расстреливать!
– обречённо пробормотала немолодая женщина и перекрестилась.

Остальные согнанные к мосту люди хранили молчание. Кто-то смотрел на сам мост с пулемётами, другие хмуро разглядывали траву и реку. На фашистов старались не смотреть и не встречаться с ними взглядами.

День у Антона не заладился почти сразу же с самого утра: толком не проснувшись, он полез за кружкой, чтобы напиться воды, и неожиданно опрокинул двухлитровый бидон с молоком, стоявший на столе. Молоко было для младших, и мать с трудом достала его накануне. В бидоне оставалось ещё немного молока, но это было почти ничего. Мать вначале с досады несколько раз стеганула Антона наотмашь тряпкой, которой начала было вытирать стол, а затем просто села и разрыдалась. Антон стоял рядом и не знал, что сказать.

– Ну, чего смотришь волком?! – наконец, спросила мать, перестав плакать.

– Ничего я не смотрю – думаю, – пожал плечами Антон.

– Кате ведь молоко надо, маленькая она... Да и Миша...

– Знаю я, – перебил Антон.

– Знаешь?! Так чего же ты... – мать не договорила и вновь замахнулась тряпкой. Антон машинально закрыл лицо руками и отшатнулся.

– Дать бы тебе! Вот отец бы всыпал, если бы был сейчас тут!

– Да не нарочно я – не заметил. Поставила так, – проворчал Антон, но тут же виновато добавил. – Чего делать-то теперь?

– Иди к тётке – у неё молоко должно быть. Попроси. Или... – мать на мгновение задумалась, а затем махнула рукой. – Или, постой – я сама лучше.

– Взрослым ещё хуже ходить – дядька Иван вчера пропал. Говорят, его немцы забрали, – возразил Антон, – взрослых чаще задерживают.

– Как же, взрослых чаще. А с Колькой что случилось, помнишь?

– Помню, – хмуро кивнул Антон. – Только это по глупости – и его, и немецкой...

– Много ты знаешь!

Кольку Сыча убили две недели назад, когда в Витебск вошли немцы. Всё это произошло прямо на глазах у Антона. Какое-то немецкое подразделение расположилось в здании уцелевшей после боёв школы. Немцы приволокли полевую кухню, разложили возле неё крупу и какие-то консервные банки. Оставив повара орудовать у кухни, немцы

принялись ломать в соседнем дворе остатки деревянного забора на дрова. Повара кто-то позвал, и кухня осталась без присмотра. Колька Сыч был отчаянным парнем, из тех, кто не прочь прибрать к рукам то, что плохо лежит, и ещё до войны попил немало крови местному участковому. Вот и на этот раз он не утерпел: то ли не смог удержаться от искушения попробовать немецкую тушёнку, то ли просто из дури и озорства решил показать дворовым мальчишкам своё превосходство – теперь этого уже никто не узнает, рванул к кухне и схватил две консервные банки. Но на его беду появился повар, который что-то тут же злобно начал кричать. Колька выронил одну банку из рук, а вторую быстро сунул за пазуху и побежал в сторону проходной, надеясь, что путь ещё свободен. Но ему не повезло: из проходной показались два немца, которые несли разобранный на дрова штакетник. Увидев бегущего Сыча, немцы бросили штакетник на землю и достали из-за спин автоматы. Колька в отчаянии остановился, выхватил из-за пазухи консервную банку, хотел бросить её в сторону бегущего к нему повара, но в этот момент его прошла автоматная очередь. Сыч, как подкошенный, упал лицом вниз, банка выпала из его руки и откатилась в сторону, а по спине расплылись три кровавых пятна, быстро слившиеся в одно сплошное. Оба солдата и повар подбежали к Кольке одновременно. Повар пнул ногой откатившуюся банку и

начал что-то зло выговаривать стрелявшему солдату. Второй солдат тоже был недоволен своим спутником. Но стрелявший лишь пожал плечами и что-то стал горячо объяснять. На выстрелы собрались остальные немцы, а из школы вышел офицер.

Антон и остальные мальчишки наблюдали за всем этим с безопасного расстояния. Понемногу стали собираться люди.

Кончилось всё тем, что нашли какого-то переводчика в пыльном серо-зелёном костюме, который пояснил, что немцы не хотели убивать Сыча, но решили, что он хочет швырнуть в повара гранату.

– Но всё равно он вор. Любой человек, покушающийся на имущество немецкой армии, будет наказан. Если бы он не воровал продукты, не случилось бы этого досадного недоразумения, – переводчик говорил громко и чётко, но всё время не поднимал глаза, разглядывая землю.

– Ничего себе «недоразумение»! Убили ведь парня – ни за что почти. Он, может, есть хотел, – возмутилась одна из женщин.

Загудели и остальные.

Переводчик что-то сказал немецкому офицеру и тот, раздражённо выхватив пистолет, несколько раз выстрелил в землю прямо перед ногами собравшихся жителей и громко заорал по-немецки, трясая ещё дымящимся стволом. Люди тут же замолчали и испуганно прижались к стене

дома.

– Разговор окончен. Господин Шильке сказал, что самолично пристрелит любого, кто попытается что-нибудь украсть или будет выражать недовольство. Немецкий порядок – это не большевистские привычки, и теперь придётся жить по-новому, – пояснил переводчик, всё так же разглядывая землю.

Людей разогнали, а окровавленное тело Кольки Сыча просто отволокли за угол и там бросили, ничем не прикрыв. Немного подумав, повар зашвырнул туда же и злосчастную банку тушёнки. Потом она пропала – кто-то польстился, скорее всего, из своих – немцы бы побрезговали, хотя наверняка никто этого не знал. Окровавленное тело Кольки лежало возле стены, и над ним роились мухи. Антона едва не стошнило, когда он всё это увидел.

Позже появилась отсутствовавшая мать Кольки. Её душераздирающие крики слышны были, наверное, во всём Витебске.

– Коленька, сыночек! – причитала Сычиха, обхватив голову руками. – Что же ты наделал-то? Зачем тебе та тушёнка была?! Сволочи, ребёнка из-за банки убили, чтоб вы передохли все!

На крики явился немецкий офицер с пистолетом в руке. Переводчика не было, но жильцы и так догадались, что, если Сычиха не замолчит, он пристрелит и её.

Бабы едва увели убитую горем женщину со двора.

Потом на подводе приехали какие-то дальние родственники Сычей, забрали тело Кольки и его причитающую мать. Больше она в дом не вернулась. По слухам, осталась у родственников.

Тётка жила на другой стороне Западной Двины, и идти к ней нужно было через мост. На мосту дежурили немецкие автоматчики, но к тётке Антон прошёл без всяких проблем. Выслушав племянника, тётка немного поворчала – у неё и у самой был трёхгодовалый карапуз – но всё же налила литр молока.

Подходя на обратном пути к мосту, Антон заметил, что на другой стороне реки, прямо на траве, немецкие солдаты собрали несколько десятков человек, которых со всех сторон окружили автоматчики. Какие-то люди в окружении немцев были и на мосту. Подросток решил переждать и повернул назад, но его уже заметил высокий, здоровенный немец, который неожиданно вышел из-за кустов, росших вдоль берега. Фашист что-то крикнул по-немецки и поманил Антона рукой. «Рвануть назад и вдоль Двины по кустам?!» – нерешительно подумал Антон и посмотрел назад. Но немец разгадал его намерения и, сняв автомат с плеча, демонстративно направил его на подростка. «Сейчас застрелит, как Кольку Сыча», – у Антона всё пошлолодело внутри, и он несмело подошёл к немцу.

Немец сразу же потянулся к бидону и, открыв крышку, заглянул внутрь.

– Млеко? – спросил фашист и, сняв крышку, повернул бидон горлышком к солнцу, чтобы лучше разглядеть содержимое.

Удовлетворённо хмыкнув, он оставил бидон себе, а Антона направил прямо к мосту. Антон понуро побрёл к уже поджидавшим его там двум немецким солдатам.

Проходя мимо немцев, Антон получил от одного из них увесистый пинок. С головы мальчишки на асфальт слетела парусиновая кепка. Антон хотел её поднять, но тут же получил между лопаток ощутимый тычок прикладом карабина. Его присоединили к группе жителей, собранных на мосту, которых под конвоем повели на другой берег.

На той стороне немцы тоже не теряли времени зря и с разных сторон сгоняли на берег около моста людей.

Когда Антон оказался на берегу, там было уже сотни полторы народа. В основном это были женщины и мальчишки. И мужчин, и девочек было гораздо меньше. Попадались и знакомые: неподалёку понуро сидела учительница биологии из соседней школы. Она жила неподалёку.

– Расстреливать будут! – вновь запаниковала женщина.

– Да тихо ты, тьфу ты! – рассерженно сплюнул на траву старик и затравленно взглянул на обступивших их автоматчиков.

«Сейчас уже полдень, наверное, мать заждалась. Вернусь ли вообще домой?!» – Антон вспомнил Кольку Сыча, и у него заныло под ложечкой от какого-то нехорошего предчувствия.

Прямо под ногами сновали в траве многочисленные муравьи и прочие букашки, живущие в одном только им ведомом мире и не обращающие никакого внимания ни на согнанных людей, ни на окруживших их фашистов.

Антон вспомнил, как несколько лет назад они с друзьями на берегу Двины нашли муравейник с чёрными муравьями и, наловив рыжих, бросали тех в чужое гнездо и с интересом наблюдали за муравьиными драками. Казалось, это было совсем давно, в какой-то другой жизни.

По обе стороны реки немцы деловито измеряли какое-то расстояние и размечали его небольшими красными флажками. Согнанные возле моста жители с тревогой и подозрением наблюдали за всей этой вознёй, но пока ничего не могли понять. Если их собрались расстреливать, то для чего эти флажки по обоим берегам Двины?

Когда в Витебск пришли немцы, Антон больше всего удивился тому, что у них красные флаги – издали, особенно если не был виден белый круг с чёрной свастикой, они были точь-в-точь, как и советские. Отличие было заметно лишь при ветре, когда флаги развевались. Антону же до этого казалось, что флаги у фашистов должны быть непременно чёрного или ещё какого-нибудь мрачного цвета, вроде мышинной, серой немецкой формы...

На мосту немцы старательно установили пулемёт.

Появился переводчик – тот самый, которого Антон видел во дворе своего дома в тот день, когда убили Сыча.

Немецкий офицер в сопровождении переводчика подошёл к согнанным людям и что-то резко сказал по-немецки.

– Встать! – так же резко, но уже по-русски сказал переводчик.

По своему обыкновению он смотрел под ноги, не поднимая глаз.

Люди один за другим поднялись и вопроситель-

но повернулись в сторону подошедшего офицера. Тот начал говорить в полной тишине. Переводчик тут же переводил:

– Сегодня ночью были убиты два немецких солдата. Их убили бандиты, которые скрываются от немецких властей. Вы должны сообщать имена таких бандитов и то, где они прячутся. Все они будут уничтожены, как и весь большевистский строй – немецкая армия скоро будет в Москве и Ленинграде. Остатки Красной армии бегут и не могут оказать достойного сопротивления. Всё уже предрешено. Но два немецких солдата погибли. Мы не утверждаем, что именно среди вас находятся те два бандита. Но любое убийство немецких солдат будет жестоко караться. Вы все должны будете переплыть реку. По вам, пока вы будете плыть, будет открыт огонь. Те, кто доплывёт, будут отпущены. Те, кто откажется плыть, будут расстреляны на месте!

Не веря своим ушам, поражённые люди растерянно смотрели то на переводчика и офицера, то на установленный на мосту пулемёт, то на безмятежно и спокойно сверкающую на солнце Западную Двину.

– На обоих берегах установлены флажки, – продолжал пояснять переводчик. – Между ними пятьдесят метров. Если кто-то заплывёт за линию флажков в любую из сторон или его снесёт течением, он будет расстрелян.

– Что же вы делаете?! – неожиданно первой нарушила молчание учительница биологии. – Хоть детей отпустите, они ни при чём!

Зашумели и остальные.

Немецкий офицер достал пистолет и выстрелил учительнице прямо в лоб. Она молча упала в траву. Люди с криками отпрянули назад. Один из автоматчиков дал поверх голов небольшую очередь.

– По сигналу, выстрелу из пистолета, вы должны будете бежать к воде, – пояснял переводчик, словно ничего не случилось, – ровно через минуту по вам будет открыт огонь.

Антон вертел головой по сторонам, но быстро понял, что убежать не получится: их охраняло слишком плотное кольцо автоматчиков.

На лицах у немецких солдат сияло предвкушение особенного развлечения. В собственных глазах они были почти богами, которым предстояло решать, жить или умереть этим перепуганным людям, сгрудившимся возле моста.

Немецкий офицер, не обращая внимания на причитания и плач женщин, поднял вверх правую руку с пистолетом и, что-то громко крикнув, выстрелил вверх. Антон рванул вперёд и бросился к реке. Рядом с ним побежали другие люди. Некоторые остались стоять на месте. Они были то ли парализованы страхом, то ли не умели плавать и обречённо ожидали своей участи.

Холодная вода сразу же обожгла тело, но Антон,

не обращая ни на что внимания, побежал по мелко-воду вперёд. Он не слишком верил в то, что немцы отпустят переплывших реку, но выбора всё равно не было – главным было не получить пулю сейчас. Пробежав по воде несколько метров, Антон сообразил, что самым первым быть тоже не слишком хорошо, и поубавил шаг, инстинктивно стараясь держаться в центре людского потока.

Немцы начали стрелять ровно через минуту после сигнала. Заработали автоматы. Чуть позже к ним присоединился и пулемёт, установленный на мосту. Волна огня в первую очередь накрыла людей на берегу. Офицер тоже не упустил такую возможность и лично расстреливал из пистолета метавшихся по траве женщин. Оставшиеся в живых с криками ужаса побежали к воде вслед за теми, кто уже плыл по реке.

Антон плыл почти в самой середине людского потока. Вокруг был настоящий ад. Казалось, вода кипит от пронзающих её очередей и судорожных взмахов рук и ног плывущих. Постепенно крови в реке становилось всё больше, и Антон уже ощущал на губах её горьковато-солёный привкус. Совсем рядом просвистела очередная автоматная очередь, и мальчишка тут же почувствовал, как кто-то железной хваткой сжал его ногу. Обернувшись, он увидел позади себя окровавленного старика. Антон рванул ногу прочь, и старик, судорожно пытаясь схватить его вновь, ушёл под воду, словно

хотел нырнуть и настичь беглеца. Подросток закричал от страха и рванул вперёд. То тут, то там под воду с криками отчаяния уходили люди. Сквозь эти жуткие звуки, сливающиеся в одну невыразимую боль, едва доносился хохот стреляющих палачей. Вода стала совсем красной, и в ней от людской крови уже нельзя было ничего различить. «Надо нырять, так немцы меня не увидят, а если и попадут, то случайно», – решил Антон и, набрав воздуха в лёгкие, нырнул вглубь. Под водой плыть было неудобно, и кто-то несколько раз больно ударил его по телу то ли руками, то ли ногами. Выставив на мгновение голову, чтобы набрать воздуха, Антон вновь нырнул и поплыл к совсем уже близкому берегу.

До берега оставалось совсем немного. Невысокий плотный мужчина, Антон и молодая женщина уже не плыли, а бежали по мелководью. Щёлкающие вокруг пули поднимали целые фонтаны брызг. Женщину убили почти сразу, а мужчину – у самой кромки воды. Он с выпученными глазами упал прямо на Антона, придавив его своим телом. Антон рухнул вслед за ним и замер: «Пусть думают, что и в меня попали – сейчас вытащу ногу и рвану вперёд».

Огонь автоматчиков переместился ближе к середине Двины, где плыла основная масса обречённых на смерть. Воспользовавшись этим, подросток осторожно вытащил из-под живота убитого муж-

чины придавленную ногу, бросился к траве, споткнулся о какую-то корягу, упал навзничь и зажмурил от страха глаза – ему казалось, что тело вот-вот разорвут безжалостные автоматные пули.

В него не стреляли. Осторожно повернув голову, Антон осмотрелся. На берегу, тяжело отдуваясь, сидел пожилой мужчина и смотрел на реку. Чуть дальше, причитая, по траве ползала женщина с безумными глазами и густыми, мокрыми, растрёпанными волосами. В реке в живых осталось совсем немного, и у них уже не было почти никаких шансов: немцы сосредоточили весь огонь на уцелевших. Но всё же одна молодая девушка доплыла, но тут же обернулась и, заметив, что в Двине остался кто-то из её родных, с жутким криком бросилась назад, подняв тучу брызг. Её голова скрылась в воде и больше не появилась на поверхности.

Через несколько минут всё было кончено – в воде никого не было видно, а огромное кровавое пятно медленно сносило вниз по течению. Антон посмотрел на своё тело и увидел, что всё оно покрыто кровью. Чуть позже до него дошло, что это чужая кровь.

Появился тот самый здоровенный немец, который задержал Антона перед мостом. Все трое уцелевших со страхом ожидали своей участи. Немец что-то крикнул и жестом показал, что они могут идти. Мужчина тут же поднялся и пошёл

куда-то в сторону. Женщина продолжала причитывать и в страхе закрылась от немца руками. По всему было видно, что она не в себе. Антон поднялся на ноги и пошёл за мужчиной, но его тут же окликнул немец. Обернувшись, подросток понял, что тот жёсткими подзывает его к себе. «Убить хочет, что ли?» – испугался Антон и нерешительно пошёл к здоровяку – бежать прочь уже просто не было сил.

Немец показал Антону на росший неподалёку куст. Возле куста валялся пустой бидон, в котором Антон нёс от тётки молоко. Взяв бидон, подросток подхватил лежащую здесь же крышку и вопросительно посмотрел на немца. Тот указал автоматом в сторону моста.

Антон теперь ненавидел этот мост и боялся идти,

но делать было нечего, и он понуро побрёл вперёд. Встречные немцы хлопали его по плечам и что-то довольно восклицали, радостно показывая вздёрнутые вверх большие пальцы. У самого моста Антон увидел свою парусиновую кепку и, подобрав её с земли, нахлобучил на голову.

Больше его никто не трогал. Высохшая на солнце чужая кровь стягивала кожу, но возвращаться к реке, чтобы умыться, Антону не хотелось. Окружающие со страхом смотрели на окровавленного подростка – стрельба была слышна по всему городу, а людская молва быстро разнесла весть о страшном испытании, поэтому все прекрасно понимали, откуда он идёт и что с ним произошло.

– Антоша, сынок! – громко закричала неизвестно откуда появившаяся мать.

– Тут я, мамка! Тут. Живой я, не раненый даже. Не раненый! – прошептал Антон и разрыдался в её объятиях...

*Посвящается всем детям мира,
погибшим во время Второй мировой войны*

БЕЛЬЧОНОК

Шла зима сорок четвёртого. Последняя зима оккупации.

Дым выедал глаза. Казалось, что невыносимая жара сейчас растопит всё тело, и оно, как самое обыкновенное сливочное масло, просочится сквозь землю и исчезнет в её глубине.

Горел дом, горели дед с бабкой и маленькая Алеська. Но им не больно. Рыгорка точно знал, что им не больно.

Однажды он уже видел, как застрелили старого Михея и оставили лежать посреди двора. Был мороз, а он лежал и не шевелился. Дед сказал, что Михею не больно, потому что его душа на небесах. Душа – это и есть сам человек, а его тело – это как одежда. Это Рыгорка тоже знал. Значит деду, бабе и Алеське не больно – они уже на небесах. А Рыгорка один. Как же ему теперь одному?

Едкий дым набился в рот и в нос. Стало тяжело дышать.

«А вдруг моя душа задохнётся вместе с телом и я никогда не попаду на небо?» – испугался Рыгорка и, размазывая слёзы, принялся освобождать от тряпок потайной лаз.

Дед знал, что немцы могут приехать в любой момент, и специально показал лаз внуку. Теперь Рыгорка знает, что делать – нужно внимательно послушать, нет ли кого с этой стороны дома, затем выбраться наружу и что есть мочи бежать к лесу.

В лицо дохнуло холодным и удивительно свежим воздухом.

Оберштурмбаннфюрер Нойберт уловил какой-то странный шум. Посмотрев вниз, он успел заметить, как под самой стеной дома просел и осыпался куда-то внутрь снег. Через расщелину медленно выползла тонкая струйка синеватого дыма.

«Как бы стена не рухнула. Наверное, внутри уже всё в огне, раз снег начал таять», – подумал оберштурмбаннфюрер и на всякий случай отошёл на несколько шагов назад.

Внезапно шум повторился, и явственно послышалось чьё-то прерывистое дыхание. Яма под стеной просыпалась ещё сильнее, и оттуда высунулась человеческая рука. Нойберт отпрянул назад и выхватил из кобуры парабеллум.

Притаившись возле стены, оберштурмбаннфюрер стал ждать, что будет дальше. Солдат звать было глупо – можно спугнуть того, кто собирался выбраться наружу.

За рукой показалась голова, и наружу вылезло грязное, оборванное человеческое существо.

«Боже, почему этот человек такой маленький?! Может, это злой тролль, вылезший из ада, чтобы наказать меня за грехи?! Вот чёрт, да это же просто мальчишка, просто оборванный и невымытый мальчишка. Нервы совсем ни к чёрту! Но как он выжил в доме? Значит, плохо поработали и едва не дали ему уйти», – не опуская парабеллум, Нойберт принялся разглядывать Рыгорку.

Отряхнув от снега Тяпика – старенького плюшевого бельчонка, Рыгорка поднял глаза вверх и... увидел направленный на него пистолет и высокого немца, палец которого лежал на спусковом крючке.

Тихо вскрикнув, Рыгорка выронил бельчонка и

бросился назад к лазу.

Опустив парабеллум, Нойберт схватил Рыгорку за шиворот рубашки и, повернув лицом к себе, поставил ничего не соображающего от страха мальчика перед собой.

Сердце забило так сильно, что Рыгорке казалось: ещё немного и оно выскочит из груди. Страх просочился в каждую клеточку, сковал руки и ноги.

Надо было бежать, изо всей силы бежать от этого немца, но ужас, подобный ужасу мыши перед заставшей её врасплох змеей, не позволял мальчику сдвинуться с места.

«Почему я его не убил? Сейчас рассмотрю и застрелю – зачем он мне нужен?» – подумал Нойберт и вновь потянулся к кобуре, но тут его взгляд наткнулся на плюшевого бельчонка, сиротливо лежащего на снегу.

«Зачем тут этот бельчонок?» – подумал Нойберт и тут же вспомнил Марту и белокурого карапуза Фрица...

В тот вечер Нойберт приехал из Мюнхена и привёз Фрицу в подарок на День Ангела маленького плюшевого бельчонка.

Фриц был в восторге от подарка и целый вечер провозился со своей новой игрушкой.

– Как ты его назовёшь? – спросил Нойберт у сына.

– Бельчонок. Просто Бельчонок, – после некоторого раздумья ответил Фриц.

– Но так не называют. У каждого должно быть своё имя. Вот ты, например, Фриц, мама – Марта. А бельчонок? Ему тоже надо дать какое-нибудь имя, – возразил отец.

– Нет, пускай он будет просто Бельчком! – настойчиво сказал Фриц...

Тогда стояло лето. Жаркое и солнечное лето сорок третьего. Бавария утопала в зелени, и здесь, в родном и знакомом с детства доме, война казалась чем-то далёким и нереальным...

Рыгорка почувствовал, как тёплые жидкие струйки потекли вниз по ногам, и сразу же обрёл способность действовать, наконец поборов панический ужас. Размазывая слёзы, он обхватил руками сапоги Нойберта и принялся едва слышно причитать:

– Дяденька фасист, дяденька фасист, не убивай-те меня! Дяденька фасист, я слушаться буду, я...

«Чёрт побери, а ведь этот маленький русский здорово похож на Фрица. Такие же голубые глаза и белокурые локоны, если их помыть, конечно! Что он там шепчет?

Наверное, просит, чтобы я его не убивал. Смышлёный... Фриц тоже был смышлёный. Почему был? Он и сейчас смышлёный», – Нойберт поднял мальчика за плечи и вновь поставил перед собой.

Подобрав бельчонка, оберштурмбаннфюрер внимательно осмотрел его со всех сторон и, протянув Рыгорке, спросил по-немецки:

– Это твой друг?

Рыгорка внимательно смотрел на Нойберта. Он не понимал, почему немец заинтересовался его игрушкой.

– Как его зовут? – вновь по-немецки спросил Нойберт.

Рыгорка молчал и нервно переминался с ноги на ногу. Нойберт заметил, что мальчик стоит на снегу босиком.

«Что же мне с ним делать?» – мучительно думал оберштурмбаннфюрер, разглядывая мальчика.

«Убьёт или нет?!» – с ужасом гадал Рыгорка, глядя Нойберту в глаза.

В последнее время Нойберт стал всё больше увлекаться мистикой. Он стал суеверным за эти последние месяцы, когда видел кровь чаще, чем

воду, и проливал эту кровь сам.

«Боже, а что, если эти свиньи придут в Баварию? А что, если и мой дом вот так же сожгут вместе с Мартой, а Фриц... О, мой Бог, как он похож на Фрица! Пусть бежит к лесу. Если добежит – то и Фриц останется жив, а нет... Он добежит – я его отпущу. А что потом? Потом он всё равно подохнет: с голыми ногами по снегу долго не находишься. Хотя эти русские чрезвычайно выносливы... Может, и не подохнет, и его подберут партизаны. Тогда это его счастье. А пока пусть бежит», – у Нойберта лоб

покрылся испариной от навязчивой мысли о том, что жизнь Фрица зависит от того, сумеет ли русский мальчик добежать до леса.

«Но всё же он очень похож на Фрица», – подумал Нойберт и протянул Рыгорке бельчонка. Дрожащими от холода руками мальчик прижал игрушку к груди и посмотрел на немца.

– Партизанен! Шнель, шнель! Бистро! – крикнул Нойберт и, развернув Рыгорку по направлению к лесу, дал ему лёгкого пинка.

Рыгорка заплакал и отказался бежать.

«Наверное, боится, что буду стрелять», – догадался Нойберт и, улыбнувшись, демонстративно застегнул кобуру на застёжку:

– Никс шиссен! Партизанен – бистро!

На этот раз Рыгорка побежал. Острый, холодный снег обжигал посиневшие ноги, но мальчик не

обращал на это внимания. Он хотел только одного: как можно быстрее добраться до леса.

Он ещё не знал, что будет делать дальше, но всеми силами хотел спастись от странных и непонятных людей-фашистов, которые сожгли дом и убили всю его семью.

Автомат безжалостно посылал одну очередь за другой. Вот русский мальчик упал. Вот поднялся, но вторая очередь вновь свалила его с ног. Пауль захохотал от восторга и продолжал стрелять в беспомощно распластанное на снегу тельце.

«Это значит, русские убьют Фрица! Но как здесь появился этот идиот?!» – Нойберт с выпученными от ярости глазами подскочил к Паулю и ударил его рукой по лицу.

– За что? – выкрикнул Пауль и, схватившись за щеку, выронил автомат.

– Ты, скотина, чуть не проспал этого русского! Он мог уйти! – теперь Нойберту нужно было как-то объяснить свой поступок.

– Но ведь я его убил?!

– Считай, что тебе повезло, – уже спокойно сказал овладевший собой Нойберт и, в последний раз взглянув на безжизненное, едва различимое из-за расстояния тело Рыгорки, пошёл к стоящим за домом машинам.

В это время пламя вырвалось наружу, и дом яркой свечой вспыхнул на фоне уже потемневшего, сумеречного неба.

– Говорят, что русские сегодня празднуют Рождество? – уже в машине спросил пожилой капрал Шайнбах.

– Рождество? Это хорошо: мы им как раз рождественские свечи оставляем! – засмеялся Пауль и показал рукой на объятую пламенем деревню.

«Что ж, может быть, русские и будут в Баварии. Может, они и доберутся до Фрица и Марты. Но это обойдётся им слишком дорого!» – Нойберт угрюмо смотрел на занесённые снегом поля.

Сейчас он хотел только одного: убивать и жечь, жечь и убивать, чтобы потоки алой крови смыли в памяти воспоминания об убитом Паулем русском мальчике...

Шёл тысяча девятьсот сорок четвёртый год.

Рыгорка очнулся от нестерпимого холода и острой боли. Он попробовал подняться, но не смог: ноги мальчика были перебиты двумя очередями.

Снег вокруг был пропитан кровью, но Рыгорка видел лишь чёрное пятно – наступила ночь. Рыгорка не плакал: холод постепенно отступил, и боль притуплялась с каждой минутой.

Дотянувшись рукой до лежащего рядом бельчонка, Рыгорка прижал его к груди и посмотрел вверх. В небе горели ослепительно-яркие звёзды. Посмотрев в чёрные глаза-пуговицы игрушки, Рыгорка шёпотом поделился с бельчонком своей сокровенной мыслью:

– Я не задохнулся и, знатит, тепель попаду на небо – так деда говолил. И ты, Тяпик, тозе попадёс. Мы сколо увидим деду, бабку и Алеську. Там будет тепло и холосо, а все фасисты попадут в пекло. Так деда гово...

Рыгорка не договорил и закрыл глаза, потому что ему нестерпимо захотелось спать.

Тяжёлые белые хлопья неслышно падали на Рыгорку. Они не таяли и часа через два, словно саваном, укрыли мальчика белым, пушистым покрывалом.

Казалось, будто сама природа ужаснулась содеянному и, будучи не в силах ничего изменить, хотела всё скрыть.

Шла зима сорок четвёртого. Последняя зима оккупации...

Литературно-художественное издание

ГЕРАЩЕНКО
Андрей Евгеньевич

ТРИ ИСТОРИИ О ВОЙНЕ

**Посвящается всем детям мира,
погибшим во время Второй мировой войны**

2-е издание, дополненное и переработанное

Ответственный за выпуск: А. Е. Геращенко
Художники: А. Ю. Лукашок, О. В. Шавина

Текст публикуется в авторской редакции.

Подписано в печать 26.11.2025. Формат 60х90 1/16.
Бумага матовая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,1. Уч.-изд. л. 2,4. Тираж 13250 экз. Заказ 2053.

Издатель и полиграфическое исполнение – ООО «Альтиора Форте»

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№1/506 от 14.10.2016, № 2/172 от 18.12.2014

ул. Сурганова, д. 11, комн. 86, 220072, г. Минск
Тел./факс: +375 172 94 90 94

Скачать книгу «Три истории о войне» электронном виде

 gerashenko.bel

 belchonok.by

 [belchonok_by](https://www.instagram.com/belchonok_by)

